

ПОЛНОТА ОБРАЗОВАНИЯ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА

А.Э. Шпаков

Образование возможно только в своей полноте. В противном случае, оно либо вообще отсутствует, либо, что значительно хуже и опасней, возникает губительная химера полуобразованности. Ещё Фёдор Михайлович Достоевский писал о том, что полуобразованные типы комически уверены в своих великих достоинствах, считают себя чуть не за гениев, однако почитаются в своём окружении за людей пустейших и постоянно обижаемы всеобщим к ним невниманием¹. Полуобразованные люди безмерно притязательны и безответственны: добыв без труда свою плоскую ясность, не научившись в труде познания ни ответственности, ни скромности, они смотрят не вверх, а вниз, не в глубь, а в отвлечённую пустоту, где всё легко, легкомысленно, и беспочвенно². В среде полуобразованной, полуневежественной, из которой выходят все литературные ремесленники, вся демократическая богема, язык мертвеет и разлагается³. Речь и формирует, и отражает наше духовное состояние. Если, например, наше духовное состояние сравнимо с помойкой, то оно и есть главное условие, и причина сквернословия, которое, в свою очередь, представляет собой очевидный признак скудоумия. Деграция языка свидетельствует о нашей умственной, чувственной и, в целом, духовной деграции. Человек видит мир не только и не столько глазами, сколько языком. Мы устроены таким образом, что каждому видимому предмету даём имя или название, затем

¹ Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки. В 3 т. Т. 2. 1875-1877 гг. М.: Захаров, 2005. С. 278-279.

² Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. С. 528.

³ Ильин И.А. Путь к очевидности. Соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 101-102.

помещаем эти слова в собственном уме и сердце – в координатах наших мировоззрений, знаний, этических и эстетических принципов и чувств. Один и тот же объект люди с различным содержанием и уровнем духовного опыта увидят по-разному. Например, стоящие рядом разные мужчины, увидев проходящую мимо красавицу, подумают о весьма неодинаковых обстоятельствах своей жизни.

Деградация языка прямо связана с оскудением ума, чувств и, в целом, всей сферы нашей духовной жизни. Невежды всё меньше нуждаются в словах, позволяющих проникнуть в сущность собственной жизни и окружающего нас бытия. «Ненужные» слова всё чаще переходят в разряд досадных анахронизмов, а затем и полностью выбрасываются из употребления. Отрадно, что Андрей Александрович Остапенко в своей статье «Восхождение к полноте образования человека» возвращает в научный контекст понятия: бессмертие, мудрость, героизм, гениальность, праведность, святость, прозорливость и многие другие. Несомненно, что видение духовной реальности человека, понимание главных смыслов и выявление ценностных ориентиров жизни, само восхождение к полноте образования вне богословского осмысления психологических и педагогических задач невозможно.

Обращают на себя слова автора: «Нас одёрнут и попрекнут, дескать, функции системы образования системы образования заданы нормативной базой и нечего здесь фантазировать о прозорливости». Нормативная база образования России вполне может иметь право на существование, но она не может быть целью образования. Смысл нормативной базы сугубо вспомогательный, она может определять лишь те или иные условия осуществления образовательного процесса, но не их цели и смыслы. В каждом доме, в каждом общественном учреждении должны быть предметы личной и общественной гигиены, например, самый простой и скромный коврик для

вытирания обуви от праха при входе в светлые палаты отечественного образования. *Не образование для нормативной базы, а нормативная база для образования.*

Содержательное поле дискуссии по центральной статье нынешнего сборника «Исследования гуманитарных систем» задано автором четырьмя вопросами и, традиционно вдохновляющим приглашением к свободным размышлениям на заданную тему о полноте образования.

Вопрос №1. *Насколько сильно графическая схематизация выхолащивает антропологическую суть рассматриваемого вопроса?*

На этот вопрос вполне убедительно сам автор ответил словами великого русского мыслителя Льва Николаевича Гумилёва: «Схема – целенаправленное обобщение материала: она позволяет обозреть суть предмета исследования, отбросив затемняющие её мелочи». Нам предложены две схемы: «Антропологическая модель образования человека» (с. 12) и «Антропологическая матрица полноты образа и образования человека» (с. 18-19). Они никак не могут выхолостить рассматриваемую проблему полноты образования, поскольку сопровождаются достаточно подробными разъяснениями. Предложенные графические модели носят аксиоматический характер и отражают несомненно значимый и обширный опыт автора по обобщению психолого-антропологической проблематики в богословском контексте.

В русской философии и в целом в гуманитарной науке успешная схематизация психолого-антропологических проблем и явлений имеет весьма давнюю и успешную традицию. Ещё князь Евгений Николаевич Трубецкой в своём обширном труде «Смысл жизни»⁴ представил два независимых стремления человека: одно утверждается здесь на земле, другое, напротив, стремиться прочь от земли, вверх. Эти две линии, по

⁴ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Ин-т русск. цивилизации, 2001.

мысли Евгения Николаевича, представляют собою исчерпывающее изображение всех возможных жизненных направлений, а их скрещение – крест – есть наиболее универсальное, точное схематическое изображение жизненного пути. Во всякой жизни есть неизбежное скрещение этих двух дорог и направлений, этого стремления вверх и стремления прямо перед собой в горизонтальной плоскости. Дерево, которое всю свою жизненную силу поднимается от земли к солнцу и в то же время стелется вдоль земли горизонтальными ветвями, представляет собою как бы наглядное символическое выражение в пространстве того же скрещения, которое совершается и в жизни духа.

Антропологическую модель образования человека автор выстроил на ассоциативном принципе, что удалось, на наш взгляд, в полной мере. Ассоциации «высокий дух», «широкая душа», антиномичность процессов «развития» и «формирования» вполне убедительны, как понятия и положения, принимаемые без логических доказательств в силу непосредственной убедительности. Критическая дискуссия вокруг аксиом невозможна и бесполезна – мы их либо принимаем, либо отвергаем по неочевидности. Предложенную модель нахожу очевидной и вполне приемлемой. Однако, позволю представить некоторые соображения, возникшие в ходе знакомства с ней.

С левой стороны антропологической модели образования человека представлено пять ступеней восхождения к полноте образования, что очевидно ассоциируется со святоотеческой традицией, прежде всего со знаменитой «Лествицей, возводящей на небо, преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы»⁵. В сочинении преподобного Иоанна начертан нам царский путь меры и духовной гармонии, исполненный напряжённым внут-

⁵ Лествица, возводящая на небо, преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы. М.: Лествица, 1997.

ренным деланием и постоянным памятованием о смерти. Тридцать ступеней «Лествицы» научают нас борьбе с одинаково свойственными и иноку, и мирянину пороками и страстями и воспитанию добродетелей, восстанавливающих в очищенном от греховной нечистоты человеке образ Божий. В центре модели расположена конусо-видная конструкция со встроенной «спиралью восхождения к полноте образования». Так же, как и многие из нас, в своё время Андрей Александрович был студентом хорошего советского вуза, где нам добротнo преподавали марксистско-ленинскую философию с её историческим и диалектическим материализмом. За это я искренне благодарен нашим профессорам. В этом контексте никакое развитие и никакое становление без диалектической спирали прогресса совершенно невозможно. Однако, по моему крайнему разумению, спираль, в нашем случае, лишь усложняет и смазывает картину изначально ясной и несомненно продуктивной конструкции. Восхождение к полноте образования может происходить как по спирали, так и по ступенькам. На фоне изначально ясного образа «Лествицы, возводящей на небо» спиральная конструкция выглядит некоторым диалектическим излишеством.

Некоторое противоречие можно усмотреть между исходным принципом построения модели и её основной целью. Автор пишет: «Основываясь на традиционной для многих мировоззренческих систем триаде (трихотомии) «тело-душа-дух», попробуем разобраться в совокупности антропологических процессов, вместе составляющих процесс образования (образовывания). И в первую очередь нас будет интересовать не телесная диада (дихотомия) «душа-дух». Действительно на рис. 2 видны две координаты: абсцисса (X) – широта души и ордината (Y) – высота духа. Заданные координаты вполне ясно иллюстрируют различия между духовными и душевными свойствами человека. Однако, в этих координатах всю полно-

ту образования обсуждать нельзя. Не хватает тела, которое развивается, формируется, оживает, одушевляется, облагораживается, одухотворяется и обоживается в неразрывном единстве с душой и духом.

Всецело признавая первенство духовной жизни человека в процессе образования, который происходит в земном, тварном мире, без нашей телесной ипостаси ни на каком уровне, даже самого абстрактного обобщения наше становление представить в принципе невозможно.

Святые отцы разделялись во мнениях о составе человеческой природы. Одни из них учили о двухчастности человеческого естества, то есть о том, что человек состоит из души и тела. Другие выделяют в нём три части: дух, душу и тело. Однако между этими двумя мнениями нет противоречия. История святоотеческой мысли не знает никакого спора между дихотомистами и трихотомистами. Те, кто учил о трехсоставности человеческого естества, на самом деле выделяли в душе человека её высшую часть и называли её духом или умом. Ум, конечно, не дух, но лишь выражение проявления духа. Ум относится к духу как часть к целому⁶. Следует подчеркнуть, что человек – это единство души и тела. Тело без души мертво, но и душа без тела не может считаться полноценной.

Итак, человек состоит из трех частей: дух, душа и тело. Проявлением духа является ум; проявлением души – чувства; проявления же тела всем хорошо известны. В отношении ума следует отметить его важную особенность – безстрастность. Направляя своё просвещённое внимание внутрь себя, каждый из нас, независимо от национальности, вероисповедания и других особенностей, без труда заметит действие воли ума, воли чувств и воли

⁶ Алипий (Костальский-Бороздин), архим., Исая (Белов), архим. Догматическое богословие (курс лекций). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 210-213.

тела. Эти воли независимы друг от друга и даже могут противоречить между собой.

Проведём простой мысленный эксперимент: представим себе некоего человека, обладающего совершенным умом, совершенными чувствами и столь же совершенным телом. Изменим его естественную иерархию и поставим в ней на первой место волю тела. Несложно понять, что путём такой простой манипуляции мы получим, к сожалению, весьма распространённый тип алкоголика, наркомана и тому подобного. У такого человека весь его блестящий ум, вся его поэтическая чувственность подчинены воле плотских похотей. Заметим, что речь идёт только о мысленном эксперименте, в реальности же не часто встретишь сочетание идеального ума, чувств и здоровья. Наши безобразия, по большей части, лишены поэтичности и каких-либо намёков на разумность. Становление человека означает развитие ума, воспитание чувств и сохранение телесного здоровья. Это возможно в том случае, когда воля тела подчинена воле чувств и ума; воля чувств – воле ума; ум же воспитывает чувства и тело с целью нашего спасения и жизни в Истине, жизни во Христе.

Если признать очевидным существование антропологической триады «дух-душа-тело», то модель образования человека логично представить в трёхмерном ортогональном пространстве, где ось Y – вертикаль «духа», соответственно оси X и Z – горизонтали «души» и «тела». Это тем более приемлемо, что независимость воли каждого из элементов антропологической системы со статистической точки зрения означает независимость изменчивости этих трёх групп характеристик (отсутствие корреляции), то есть их ортогональность. В трёхмерном пространстве объёмно и предельно ясно можно представить «Лествицу», то есть все необходимые ступени восхождения к полноте образования.

Предложенная модель представляет собой продуктивную попытку богословского осмысления современной психолого-педагогической реальности что, конечно же ведёт к её практическому применению. На пути развития антропологической модели образования человека было бы полезным провести, в числе прочих, два фундаментальных исследования: одно богословского содержания, другое в области психолого-педагогической антропологии:

1. Выявить детальные соотношения предложенных в модели пяти ступеней восхождения к полноте образования с тридцатью степенями «Лествицы, возводящей на небо преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы».

2. Определить для каждой ступени восхождения к полноте образования человека метки взросления, как отметки соответствия этапов индивидуального развития человека иерархической структуре общества⁷.

Вопросы № 2 и № 3 связаны с предложенной антропологической матрицей полноты образа и образования человека (рис. 3, с. 18-19): *«Насколько корректно выделены онтологические основания антропологической матрицы (горизонтальная ось)?»; «Насколько корректно определены и названы ступени восхождения к полноте образования человека в антропологической матрице (вертикальная ось)?».*

Если принять философское понимание понятия «матрица» как таблицу, шкалу ценностей-пороков, миропонимания, этических норм и правил поведения, характеризующую тот или иной стереотип поведения челове-

⁷ См.: Касатиков А., прот., Остапенко А.А. Метки взросления как мера соответствия ступеней онтогенеза человека и иерархических ступеней общества // Шпаков А.Э., Касатиков А., прот., Остапенко А.А., Дробышев В.В. Православная культура в современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2005. С. 148-154.

ка, то рис. 3 (с. 18-19) назван матрицей верно. Однако разнообразные смыслы этого понятия более всего ассоциируются с законченной, завершённой, дефинитивной формой и, в этом смысле, предложенная конструкция, предполагающая дальнейшее исследование, обсуждение и, тем более практическую реализацию, всё же более правильно именовать моделью.

Несомненная познавательная ценность предложенной модели в том, что, возвращая наиважнейшие доминантные понятия в контекст научного обсуждения проблема полноты образования в России выводится из «зиндана» примитивнейшей нормативной базы на свободный творческий простор психически здорового и душеполезного обсуждения.

Антропологическая модель, представленная Андреем Александровичем, логична и правдоподобна. Однако, полнота отражения природы и сущности человека предложенным списком понятий и характеристик подлежит дальнейшему тщательному исследованию и внимательному обсуждению. Например, при рассмотрении доминанты «на любовь к Богу» (столбец «е» рис. 3, с. 18-19), мы видим, что она основана на идеальной константе «вера». Вера, в свою очередь, опирается на духовность, как основание человеческого способа жизни, духовность – на религиозность, как сферу человеческого бытия, а религиозность произрастает из Божественного начала человека. Всё верно и не согласиться с этим нельзя. Однако, любовь к Богу может родиться совершенно из любого сочетания приведенных идеальных констант. Веру, в человеческом сердце, иной раз пробуждают страдания, лишения и несчастья. Более того, любовь к Богу, к ближнему и к самому себе вполне законно можно рассматривать как единую и неразделимую доминанту: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею

крепостию твоею, всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10: 27).

Столбец «г» означает, что продвигаясь вверх по уровням образовательных целей от навыков через умения, трудолюбие, мастерство и подвижничество достигается такое предельное качество человека, как гениальность. Путь нелёгкий, но понятный. Результат, впрочем, не гарантирован. Выдающийся советский генетик Владимир Павлович Эфроимсон убедительно доказал, что гениальность представляет собою наследственную характеристику человека, и что гении рождаются с постоянной частотой 1:1 000, а реализуется их гораздо меньше с частотой 1: 10 000 000⁸.

Среди обретаемых и реализуемых ипостасей в процессе восхождения к полноте образования в модели представлены человек взрослый, знающий, умеющий, культурный, нравственный и духовный. С моей сугубо личной позиции, в модель должен быть непременно включён ещё и человек счастливый и, что не мало важно, счастлив он должен быть на всех уровнях восхождения к полноте образования в России.

Алексей Алексеевич Ухтомский писал, что, когда мы анализируем какой-нибудь сложный процесс, хочется прежде всего, уловить там, какие-нибудь постоянства, от которых можно было бы отправляться в дальнейшем своём анализе⁹. В этом гносеологическом смысле модель Андрея Александровича со всем её понятийным аппаратом и заданной иерархией элементов вполне корректна. Однако, только практическое применение модели в конкретном образовательном процессе позволит выявить её эффективность в условиях современной психолого-педагогической реальности.

⁸ Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. С.20.

⁹ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 113.

Теперь вполне логично попытаться ответить на важнейший **вопрос № 4**: «*Как возвращать полноценного человека?*».

Главное условие эффективности любой деятельности человека и, прежде всего, образования – это доверие. Ученики должны доверять тому, что учителя учат их правильно и что приобретаемая ими учёность будет полезна. В свою очередь, учитель должен доверять ученикам в том, что они искренне заинтересованы в учении. В противном случае, когда доверие отсутствует, ситуация становится абсурдной: учителя делают вид, что учат, а ученики имитируют обучение. Более вредоносной ситуации трудно себе и представить. Полноценного человека может воспитать только полноценная личность.

Скруплёзное выявление ступеней возрастания к полноте образования и работа по осмыслению разнообразных характеристик из области психолого-педагогической антропологии – всё это совершенно необходимо на этапе анализа проблемы и формулировки исходной гипотезы. Практическое возвращение полноценного человека, как и создание, например, сортов растений, означает сокращение списка многообразных характеристик: выявление, среди множества возможных вариантов, признаков-индикаторов, наиболее точно отражающих различия между людьми, а так же, конституционных или эмерджентных характеристик, то есть свойств целого, не сводимых к свойствам его частей. Автор теории функциональных систем в физиологии П.К. Анохин писал: «Целое, или система, обретает свои собственные принципы организации, не переводимые на принципы и свойства тех отдельных компонентов и про-

цессов, из которых она формируется»¹⁰. Не части определяют свойства целого, а целое – свойства частей.

Среди разнообразных характеристик элементов и процессов личностного возрастания показателем всей полноты человека, целостности духа, души и тела является совесть как природная способность отличать добро от зла, отвергать зло и стремиться к добру¹¹. Эта важнейшая характеристика нашей человечности рождается и развивается на путях стяжания духовного опыта.

В силу уникальности человеческой личности опыт каждого из нас также уникален и неповторим. Существует, однако, как минимум, три общих для всех элемента, без которых приобретение и развитие духовного опыта совершенно невозможно: умение видеть своё несовершенство; сохранение и умножение любви; аскетика как способность к самоограничению. В целом, духовный опыт – это путь к самостоятельности, самопониманию, самоисправлению, самосовершенствованию. Если человек не способен увидеть свои несовершенства, то совершеннее он стать не может. Он может только перестать быть человеком и обернуться в самодовольного, самоуверенного и совершенно отталкивающего типа. Умение же видеть собственные недостатки необходимо отнюдь не для любования ими, но для их преодоления.

Распознать и уж тем более преодолеть собственные пороки – задача весьма непростая. Решение её возможно лишь в случае сознательного приобретения, укрепления и накопления опыта такого рода. Вне традиции, т. е. опыта предыдущих поколений, практически невозможно ориентирование в нравственных координатах. Нравственные координаты – это общий канон человеческой жизни, и

¹⁰ Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. Сб. / Ред. П.К. Анохин. М.: Наука, 1973. С. 21.

¹¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избр. статьи. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 572.

только в рамках этого канона, в сравнении себя с идеалом и другими реальными людьми мы можем понять качество и уровень развития нашего личного духовного опыта. Вне канона невозможно не только духовное возрастание человека, но и его развитие в любой другой области деятельности. Один из великих русских композиторов и музыкантов XX века Игорь Фёдорович Стравинский заметил, что самое большое счастье – это творчество в узких пределах, «индивидуальность ярче выделяется и приобретает большую рельефность, когда ей приходится творить в условных и резко очерченных границах»¹².

Если кто считает себя композитором, то пусть напишет произведение, например, в узких пределах известного с XVIII века канона сонатной формы. Сонаты писали многие великие композиторы, в их числе и Людвиг Ван Бетховен. Сравнив собственные сонаты с бетховенскими, уровень мастерства и таланта композитора становятся вполне очевидны. Главное же то, что явственно открываются пути достижения высот творчества и совершенства в искусстве. Нет канона – нет ни ремесла, ни искусства, ни науки. Нет канона – нет и духовного опыта.

Не может быть сугубо личного, строго персонального канона. Нравственные координаты отражают мировоззрение огромных человеческих групп, их исторически устойчивые и целенаправленные устремления к целям, пребывающим, как правило, вне времени – в вечности.

В современной девиантологии бытует далеко не бесспорное представление о том, что нравственные и поведенческие нормы у человека – явления временные, соответствующие некоторым столь же временным этическим представлениям и правилам этикета. Дескать, все эти нормы и правила есть результат некоторых соглашений

¹² Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни / Пер. с фр. Л.В. Яковлевой-Шапориной; предисл., коммент., послесл. и общ. ред. И.Я. Вершининой. М.: Композитор, 2005. С. 293.

людей между собой, обусловленных теми или иными условиями и особенностями жизни этнических систем различного уровня организации. Таким образом, изменения канонов, нравов и правил поведения не только естественны и логичны, но и совершенно неизбежны.

Любое человеческое заблуждение возможно сделать победившим и торжествующим, но ни одно из заблуждений невозможно превратить в истину. Сравнительно молодому нравственному релятивизму, утверждающему относительность и временность канонов человеческого поведения, противостоит тысячелетний опыт духовной жизни мировых религий. Например, в контексте нашего православного мировоззрения норма – это святость, это Христос и тысячи православных святых, сумевших в своей реальной исторической жизни воплотить многообразными путями высочайшие евангельские идеалы.

Если мы перестаём соблюдать какие-либо законы, это совершенно не означает, что мы их изменили. Это означает всего лишь то, что мы им перестали соответствовать. Наша личная, семейная, общественная, государственная жизнь и наша безопасность строго детерминированы нашим соответствием реальности: законам природы (физики, химии, биологии и др.), нравственному порядку вещей, Закону Божию. Мы, например, можем подавляющим большинством голосов, соблюдая все демократические процедуры, отменить зиму как время года и как законопослушные граждане полностью игнорировать морозы, одеваясь в летнюю одежду. Результат вполне предсказуем: нарушение законов природы неизбежно приводит к болезням, страданиям, смерти. Нарушение же нравственного миропорядка вещей, Закона Божьего с ещё большей неизбежностью несёт разрушение духовной жизни и вместе с тем духовные недуги, психические заболевания, оборачивающиеся катастрофами в личной, семейной, общественной и государственной жизни. Один из многих добрых

плодов развитого духовного опыта – наше умение видеть мир таким, каков он есть на самом деле, а, значит, и умение жить в гармонии с окружающей нас действительностью.

Сохранение и умножение любви – это ещё один универсальный для всех нас элемент духовного опыта. С самого своего рождения человек погружён в океан божественной любви, и главной характеристикой, главное свойство нашей духовной жизни – также любовь. Если в человеке отсутствует напрочь духовный опыт, то с возрастом набирает силу процесс черствения, духовного обесчувствования. Это означает потерю личного сродства к объективно окружающей нас любви. Чтобы развить в себе умение сохранять и умножать любовь, нужно чаще задавать самому себе вопрос о том, что в своей собственной жизни по сегодняшний день было самого лучшего, самого прекрасного; когда, где и как удалось увидеть, почувствовать божественную любовь, красоту, ощутить себя счастливым.

Любовь в жизни каждого из нас проявляется в разнообразных жизненных ситуациях. Это может быть вдохновенный восторг от первой встречи с заснеженными горами Кавказа или залитой солнцем морской гладью Чёрного моря. Это может быть и улица, по которой человек сотни раз ходил и ходит, и вдруг ощутил её неповторимо прекрасной и родной. Может быть, на память придёт воспоминание об умилительной радости встречи с родными после долгой разлуки или творческие мечты, вдохновения и успехи, первая влюблённость... Ни в коем случае нельзя забывать, а, значит, терять личный опыт любви. Если мы забудем, как это было вчера, то уже сегодня пройдем мимо чего-то главного в нашей жизни и ничего не поймём, и никого не заметим.

Одно из отличий практики видения и преодоления своих пороков и недостатков от практики сохранения и умножения любви состоит в том, что грехи свои нужно

видеть и преодолевать, но обсуждать их с близкими или, тем более, посторонними людьми не следует. Грех может быть просто тлеющим угольком, но лишь дунь на него и запылает всё вокруг. Грех не предполагает созидательно-го труда и творчества. Он совершается легко и бездарно, может быть суетливо или скучно, но всегда глупо. Грех в рекламе не нуждается. Другое дело, любовь. Это вселенский антиэнтропийный процесс, высшее искусство, дарованное человеку, превосходящее по значимости любой его жанр. Будь то живопись, музыка или поэзия – всё наполняется смыслом, только лишь являясь воплощением любви. Любой исторический народный эпос – «Илиада» или «Одиссея», «Энеида», «Махабхарата», «Слово о полку Игореве» или «Витязь в тигровой шкуре» – все о любви. Отчего же народы посвящают свои высочайшие творческие силы, свой эпос любви, а не технологиям, инновациям, инвестициям или повышению производительности труда? Потому, что любой народ, оставляющий в мировой истории о себе добрую память, прекрасно понимает, что именно любовь есть та никем и ничем непреодолимая сила, скрепляющая этнические системы на путях их исторической жизни. По мере остывания любви в сердцах людей народы стареют и умирают, и никакие инновации с инвестициями уже никому ни помогут.

Аскетика как способность к самоограничению – ещё один совершенно необходимый элемент духовного опыта, без которого невозможна практическая реализация ни видения своего несовершенства, ни сохранения любви. Аскетическая традиция присуща всем известным мировым религиям. Православное понимание аскетики точно выражено в словах святого апостола Павла: «Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6: 12). Проиллюстрировать значение аскетики как необходимого элемента нашего духовного опыта можно на примере человека, на-

прочь лишённого способности к самоограничению. Ярким примером такого рода является созданный Михаилом Афанасиевичем Булгаковым литературный, а затем и широко известный кинематографический образ Полиграфа Полиграфовича Шарикова. В России этот тип субъектов долгое время достаточно точно называли быдлом. Им всё трудно, желания их примитивны: поест до отвала, напиться до потери сознания, поблудить с женщинами такого же типа, как и они. Для них характерна совершенная безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественное. Будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. В среде быдла безопасности не бывает. С точки зрения физиологии центральной нервной системы и высшей нервной деятельности человека, у этого быдла совершенно не развито торможение.

Явление торможения открыто Иваном Михайловичем Сеченовым и в 1863 году описано им в работе «Опыты о задерживающих центрах». Торможение – это активный процесс, который ослабляет существующую деятельность или препятствует её возникновению¹³.

Иван Петрович Павлов обращает особое внимание на то, что правильная нервная деятельность складывается из соотношения двух принципов: возбуждения и торможения. Свойство отвечать на раздражение общее для всего живого: лист поворачивается к свету, инфузория уходит из капли с солёной водой в каплю без соли (хемотаксис), червь ползёт в темноту, щука настигает добычу, собака отвечает на зов, человек отдёргивает руку от горячего утюга. Величину реакции живого вещества на раздражение принято называть возбуждением. Возбуждение

¹³ Сеченов И.М. Избр. филос. и психол. произв. В 2 т. Т. 1. Физиология и психология / Ред. и послесл. Х.С. Коштыянца. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 188.

и торможение, непрерывно взаимодействуя, обуславливают осуществление одних реакций и задержку других. Основным законом нервной системы заключается в том, что она состоит из двух половин: из проявления деятельности раздражения, или свободы в широком смысле, и из проявления деятельности задерживания, торможения, или дисциплины, узды. Вне этого нет жизни, жизнь уничтожается. Жизнь есть равновесие, и высшее совершенство жизни, проявляющееся в культуре как животных, так и человека, связано с равновесием этих двух половин.

В сравнении с животными наша жизнь более сложна и многомерна. В человеческой жизни сознательно практикуется множество тормозов: это религия, а затем законы, власть, контроль, воспитание, обычаи, привычки. До какой степени это есть закон жизни, можно видеть на примере любой революции. Революция есть освобождение от всех тормозов. Отсюда всякие эксцессы и в области желаний, и в области мысли, и в области поведения¹⁴.

Академик И.П. Павлов не случайно первым фактором, способствующим развитию торможения у человека поставил религию. Верующий, обладающий развитым духовным опытом человек, не станет себя вести как-то иначе, когда его никто не видит или никто не знает. Безумно прятаться от Бога. Аскетический опыт позволяет в полной мере развить систему торможения, правильно воспринимать наложенные на себя ограничения: совсем не как нарушение личной свободы, а как главнейшее условие достойной жизни. Личная свобода человека прямо и непосредственно детерминирована уровнем нашего духовного опыта. Понимания свободы могут быть совершенно несовместимыми друг с другом. Например, свобода как нарушение запрета, т. е. существуют ясно обозначенные запреты, табу, преграждающие нам путь к грехопадению, но мы сознательно преступаем их, воображая, что это

¹⁴ Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. С. 135-138.

и есть вожденная свобода, хотя, в данном случае, на самом деле мы имеем дело с самым заурядным рабством – выбором среди многообразных зависимостей. Свободы во грехе не бывает.

В православной традиции истинная свобода означает не свободу во грехе, а свободу от греха. Свободным может быть лишь тот, кто видит своё несовершенство, сохраняет в себе любовь и способен к непринуждённому самоограничению.

Духовный опыт человека – главнейшее условие духовной безопасности личности, семьи, нации и государства. Только люди, стремящиеся к совершенству, обретающие совесть и свободу на путях развития собственного духовного опыта, в состоянии устоять против агрессии этического релятивизма, навязывания ложных смыслов и целей жизни, деструктивных идеологий (например, таких, как «общество потребления»), профанации важнейших человекообразующих понятий (любовь, свобода, справедливость, совесть и др.). Только общество с богатым духовным опытом всех уровней его организации способно практически обеспечить восхождение к полноте образования.

Небольшое рассуждение о том, как взращивать полноценного человека завершим двумя, на наш взгляд, важными положениями.

1. Совесть, формируемая на основе духовного опыта, представляет собою важнейший конституциональный признак, характеризующий все уровни (ступени) восхождения к полноте образования человека.

2. Проблема целостности (целомудрия) человека наряду с её биологическими, психологическими, педагогическими и философскими аспектами является ещё и проблемой религиозной.

Цель и смысл жизни понятия прежде всего религиозные и вне богословского осмысления этих и других

важнейших понятий современной психолого-педагогической реальности восхождение к полноте образования человека не представляется возможным. Ещё великий Паскаль Блез писал о том, что если природу человека рассматривать по отношению к цели его бытия, то он покажется великим и несравненным. Люди делятся на три разряда: одни – обретшие Бога и служащие Ему, другие – не нашедшие Его, но стремящиеся к этому, и третьи – те, кто живёт без Бога и не ищет Его. Первые рассудительны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние же несчастны, но разумны¹⁵.

¹⁵ Паскаль Б. Мысли. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 140-146.